

На правах рукописи

Екатерина Владимировна РАХИЛИНА

**КОГНИТИВНЫЙ АНАЛИЗ ПРЕДМЕТНЫХ ИМЕН:
ОТ СОЧЕТАЕМОСТИ К СЕМАНТИКЕ**

Специальность 10.02.19

“Общее языкознание, социолингвистика, психолингвистика”

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Москва – 1999

Работа выполнена во Всероссийском Институте научной и технической информации Российской академии наук (Москва)

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук, профессор А.Е. Кибрик

доктор филологических наук Т.М. Николаева

доктор филологических наук А.Д. Шмелев

Ведущая организация – кафедра лингвистики Международного университета “Дубна”

Защита состоится “___” _____ 1999 г. в _____ час. на заседании диссертационного совета по присуждению ученой степени доктора наук при Институте языкознания РАН (Москва, Б.Кисловский пер., д. 1/12)

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института языкознания РАН

Автореферат разослан “___” _____ 1999 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Н.К. Рябцева

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Реферируемая диссертация посвящена исследованию лексической сочетаемости предметных имен как отражению некоторых аспектов – в работе они названы когнитивными – их семантики.

Актуальность исследования. С современной точки зрения, лингвистика давно перестала быть наукой только о языке – ведь язык отражает мир таким, как его видит говорящий на этом языке человек и, тем самым, лингвистика, а в особенности семантика, изучает не только язык, но и сознание человека и поэтому на данном этапе своего развития она снова может рассматриваться в одном ряду с психологией, философией и всеми теми традиционно гуманитарными науками, от которых она, как казалось, была навсегда отделена в период расцвета структурализма. Сегодня наоборот, лингвистов привлекает не сходство языка с совершенной машиной, а его *антропоцентричность* (в терминологии А. Вежбицкой), адекватность особенностям именно человеческого мышления – ср. работы самой Анны Вежбицкой, а также Дж. Лакова, Л. Талми, Р. Лангакера и других представителей когнитивного направления в лингвистике (подробный обзор которого приводится в диссертации), и с другой стороны, работы ведущих отечественных исследователей – Ю.Д. Апресяна, Н.Д. Арутюновой, Т.В. Булыгиной и многих других, которые тоже широко цитируются в работе. Для отечественной, и прежде всего московской школы семантики, задача построения наивной картины мира является одной из приоритетных (полнее всего она воплощена в только что вышедшем Новом объяснительном словаре синонимов русского языка Апресян и др. 1997; ср. также Апресян 1995а, ср. также все без исключения сборники серии “Логический анализ языка” под редакцией Н.Д. Арутюновой). Тем самым в качестве цели лингвистического описания эта задача у нас была осознана (а вернее, “восстановлена в правах” – со времен Гумбольдта) значительно раньше, чем на Западе.

Реферируемая диссертация в принципе укладывается в рамки этой актуальной для современной науки задачи. Ее целью является выявление существенных семантических характеристик, связанных с образами конкретных объектов в естественном языке, таких как размер, форма, цвет, границы объекта, его температура и др. – и тем самым, реконструкция определенного фрагмента языковой картины мира. Применяемый в ней метод – исследование языкового поведения, т.е. сочетаемости языковых единиц, и через сочетаемость реконструкция их семантики, в современной лингвистике получил права на существование и апробирован уже во многих работах. Вместе с тем, настоящее исследование совершенно оригинально и по материалу исследования, и по методу, и по результатам.

Научная новизна данной работы прежде всего в том, что она посвящена *предметной*, а не предикатной лексике. Предикатная лексика имеет давнюю традицию описания, опирающуюся на аргументную структуру – и в конечном счете на синтаксис характерных для данного предиката употреблений. Предметная лексика не имеет никакой устойчивой традиции описания, и поэтому вынужденным образом остается на периферии

семантических исследований. Поэтому в “именной” зоне нет практически ничего сопоставимого по степени изученности, как скажем, признак контролируемости или перформативности для глагола.

Точно так же, в отличие от детально разработанных глагольных классификаций (см. работы Ю.Д. Апресяна, Т.В. Булыгиной, М.Я. Гловинской и мн. др. – для русского языка, а также для английского – Ч. Филлмора, Р. Джэкендоффа, Б. Левин, Р. Гримшоу и др.), ориентированных на решение самых разных описательных задач, при классификации имен – ввиду слабой изученности этой языковой зоны – лингвисты обычно опираются на единую стандартную таксономическую классификацию, которая, как показана в данной работе, далеко не всегда пригодна как инструмент семантического описания имен и объяснения их языкового поведения. В работе обосновываются принципы построения “работающих” **именных классификаций**, и демонстрируется механизм их использования носителем языка, предсказывающий запреты на те или иные сочетания с данным именем, и типы интерпретации для сочетаний, которые оказываются возможны. С другой стороны, показано, что эти классификации – ввиду их антропоцентричности – не требуют от носителя языка специальных усилий по запоминанию всей той информации, которую они содержат, потому что они опираются на модель мира, уже имеющуюся в представлении говорящего.

Эта модель может быть реконструирована – и реконструируется в диссертации исходя из анализа возможного лексического наполнения конструкций, свойственных предметным именам. Однако в лингвистике принято считать, что сочетаемость имен, в отличие от сочетаемости глаголов, свободна, а это значит, что лексическое заполнение таких конструкций вообще не должно иметь никаких ограничений. Результаты данного диссертационного исследования демонстрируют обратное, а именно, **отсутствие** у имен **свободной сочетаемости** в настоящем смысле этого слова: атрибутивные, посессивные, генитивные и любые другие возможные именные конструкции с любым семантическим наполнением (размер, цвет, принадлежность, часть-целое и др.) – имеют достаточно жесткие ограничения, связанные с семантикой имени. Даже грамматические формы имен – в плане семантической интерпретации – оказываются, как показано на примере множественного числа и творительного падежа, зависимы от семантики лексемы, т.е. ни в коем случае не свободны, а в большей или меньшей степени лексикализированы.

Между тем под лексикализированностью в лингвистике принято понимать непредсказуемое поведение лексем, требующее исключительно словарного описания. Между тем автор диссертации, вслед за А. Вежбицкой, защищает точку зрения, согласно которой языковое поведение лексики всегда **мотивировано**, так что задачей лингвиста является не просто фиксация существующих запретов и предпочтений, но их объяснение. На множестве конкретных описательных задач в работе продемонстрированы результаты объяснительного подхода к языковым фактам.

Материалом для данной работы, как было уже сказано, служили разных типов конструкции с предметными именами, которые, в процессе исследования, проходили “проверку на совместимость” с именами разных

семантических групп. При этом использовались реальные примеры из корпусов русских текстов (в частности, корпуса Машинного фонда русского языка и фонда Упсальского университета). Помимо этого в процессе исследования широко использовалась (и одновременно пополнялась и совершенствовалась) разработанная автором База данных по русской лексике “Лексикограф. Предметные имена” (программное обеспечение И.С. Красильщика), объемом около 4000 ед., в которой каждому имени был приписан набор релевантных семантических характеристик и создан поисковый аппарат, способный выделять группы лексем по заданному значению признака или набору таких значений.

Методы исследования. База данных дала возможность работать не с отдельно взятыми именами, а с группами имен, демонстрирующими сходство языкового поведения. Таким образом, на основе некоторой общей классификации, заложенной в структуру Базы согласно ее конструкции, в результате работы с конкретным контекстом (например, конструкцией ориентирования, предложной конструкцией, падежной формой и под.) удалось получить сразу целый набор классификаций, причем не только гораздо более дробных, но и множественных – когда одно и то же имя (конечно, если оно имеет для этого определенные семантические возможности) может попадать сразу в два и более классов и благодаря этому демонстрирует разные модели интерпретации данного сочетания.

Апробация работы. Практически все фрагменты данной диссертации обсуждались на различных лингвистических семинарах (прежде всего, семинаре группы логического анализа языка Института языкознания под рук. Н.Д. Арутюновой и семинара Института проблем передачи информации под рук. Ю.Д. Апресяна) и конференциях, в том числе международных, таких как V и VI Международная конференция по когнитивной лингвистике (Амстердам 1997; Стокгольм 1999), X Международный коллоквиум по формальной лингвистике (Амстердам 1996), Международный конгресс “100 лет Р.О. Якобсону” и др., а затем были опубликованы или приняты к публикации в лингвистических изданиях. В результате по теме диссертации опубликовано или принято к публикации в 1999 г. 38 работ общим объемом более 30 а.л.

Структура работы. Работа состоит из введения, семи глав, а также двух приложений. Библиография содержит более 250 названий.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

В развернутом **Введении** обосновывается актуальность исследования, определяются его приоритетные цели, а также дается общее представление о современном состоянии научных исследований в данной области. При этом в *первой части* рассматриваются проблемы, связанные с природой семантической сочетаемости лексики, а также особенностями языковой картины мира, ее антропоцентричностью и нетождественностью с миром действительности. В связи с этим обсуждается противопоставление между

семантической информацией – релевантной для лингвистического описания и энциклопедической – выходящей за рамки лингвистики. Утверждается, что “объяснительный” подход к сочетаемости значительно сдвигает эту границу по сравнению с традицией, так что лингвистически релевантным оказывается в конечном счете значительно больший объем информации, чем это принято считать. Обсуждается термин “когнитивный” и отношение к нему представителей различных лингвистических школ.

Вторая часть Введения посвящена предметным именам. Имя объекта – и тот образ предмета, который с ним соотносится благодаря языку, отличен от того физического предмета, который это имя называет. Поэтому лингвистическое исследование предметных имен и исследование конкретных физических объектов проводятся с разными целями, имеют разный результат и методы этих исследований тоже не совпадают. В частности, достаточно популярные в психолингвистике экспериментальные исследования по типу тех, которые проводил У. Лабов, скорее, изучали объекты, нежели их семантически образы (ср. Вежбицка 1985).

Но как изучать семантическую природу имени, если традиция описания в лингвистике есть только для глагола? И чем отличается имя от глагола? В работе предлагается считать конституирующим именным свойством *лабильность имени*, т.е. его изменчивость и в связи с этим принципиальную разнородность (в отличие от глагола) ситуаций, с которыми это имя связывается. Поэтому если для семантических исследований глагола достаточной является по сути одна-единственная конструкция, отражающая его, в терминах Московской семантической школы, модель управления, то свойства предметного имени могут быть “вычислены” только из анализа множества (вообще говоря, бесконечного) его разнообразных контекстов, причем плохо совместимых друг с другом. Конечно, как показано в работе, есть имена по своей семантике более близкие к прототипическим предикатам – такие как реляционные или функциональные (имена артефактов), но в целом задача семантического описания предметного имени – а она является задачей данной книги – принципиально неразрешима в полном объеме, так что с точки зрения полноты такая работа с самого начала обречена на неудачу и с большей очевидностью, чем полное семантическое описание глагола (впрочем, тоже, по-видимому, вряд ли возможное).

Тем не менее, как кажется, полнота описания – это не главное. Заменой ей может служить ясная стратегия исследования, которая и излагается в последнем разделе Введения. Ведь помимо того, что сочетаний с предметными именами слишком много – их еще принято считать свободными – а значит, никак не связанными и с семантикой имени. Поэтому необходимо последовательно “проверить” наиболее частотные, характерные именные сочетания, чтобы доказать, что в них все-таки содержится информация, релевантная для семантического описания имени; если это верно, то анализ таких сочетаний должен составлять необходимую часть работы, предшествующей собственно лексикографическому описанию любого предметного имени. Между тем, заведомо релевантной для имени является:

– информация о его мереологии, т.е. о частях соответствующего объекта и множествах, в которые он входит;

- о таксономическом классе (классах) имени, т.е. о том месте, которое оно занимает в родо-видовой иерархии;
- о функциональной составляющей имени, т.е. указание на основной способ использования соответствующего объекта;
- об основных физических признаках обозначаемого им объекта: его форме и границах, ориентации в пространстве, размере, цвете, температуре и под.;
- о так называемой “валентной структуре” имени, т.е. о некоторых его постоянных семантических связях с другими именами, вступающими с ним в характерные синтаксические отношения ср.: *пассажир автобуса, поле ржи, забор вокруг дома* и др.

Изложение материала в диссертации следует именно этой схеме, так что каждая глава посвящена именным конструкциям, проясняющим данный фрагмент семантического представления имени. Одновременно структура текста диссертации представлена таким образом, чтобы каждая глава по возможности соотносилась и с некоторым типом именных конструкций – следовательно, свойства атрибутивных, посессивных, предложных и др. конструкций рассматриваются в диссертации последовательно. Между тем, как показано в работе, каждый тип конструкции имеет определенные особенности и связан с совершенно определенными семантическими характеристиками имен, и таким образом, множество рассматриваемых в работе конструкций представляется как бы множеством зеркал, отражающих семантику предметных имен.

Первая глава диссертации (“Имена в зеркале грамматики: мереология и таксономия”) посвящена в основном семантике грамматических форм предметного имени на примере множественного числа и творительного и отчасти родительного падежа. Обычно считается, что словоизменение, в отличие от словообразования, регулярно, как морфологически, так и семантически и, следовательно, значение грамматической формы не зависит от значения соответствующей лексемы. Те категории, для которых это обстоятельство вызывает сомнение (как, например, вид глагола во многих случаях), лингвисты склонны переводить в разряд пограничных или просто словообразовательных. Однако число или падеж воспринимаются как прототипически словоизменительные именные категории, так что здесь никакой связи с семантикой имени не ожидается. И тем не менее, она есть и она очень существенна для интерпретации этих грамматических форм.

Действительно, в последнее время самого пристального внимания со стороны теоретиков, грамматистов и лексикографов удостоилась группа русских существительных-названий овощей, ср. Мельчук 1985, Поливанова 1983, Wierzbicka 1988. Все исследователи отмечают, что в этой (на первый взгляд, семантически однородной) группе лексем выделяются крайне разнообразные модели числового поведения. Такого рода факты, конечно, требуют осмысления; в результате строятся новые, более общие гипотезы – причем они касаются не только природы грамматической категории (ср. опыт уточнения этого понятия в Поливанова 1983), но и построения более детальной и дробной семантической классификации существительных в целом (ср. Wierzbicka 1988, где показана значимость таких признаков, как

форма, размер и тип функционирования объекта для интерпретации граммем единственного и множественного числа существительных). Существенный шаг вперед здесь состоит в том, что "аномалии" числового поведения не только фиксируются, но по существу впервые (особенно в работах А. Вежбицкой) ставится вопрос о причинах такой неоднородности в поведении именной лексики, о возможной семантической мотивированности наблюдаемых эффектов. Однако эти результаты пока фрагментарны. Между тем в диссертации показано, что и семантика формы множественного числа, и семантика формы творительного падежа нестандартна не для какого-то одного случайного класса лексем – а в принципе, с необходимостью, потому что в основе образования грамматической формы лежит тот же механизм семантического согласования (в этом случае семантики грамматического значения и семантики лексемы), что и для сочетаний отдельных лексем.

С этой точки зрения вполне естественны мотивированные семантикой имени запреты на формы множественного числа – например, от имен веществ типа *кровь* (**крови*) или *кислород* (**кислороды*): имена веществ несчетны, их множественное число может быть только видовым множественным (ср. *масло* – *масла*), но видовое множественное есть только у имен таксономических классов, а ни *кровь*, ни *кислород* таковыми не являются. Следовательно, форма **крови* невозможна по той же причине, по которой форма *троллейбусы* (в отличие, например, от *транспортные средства*) никогда не интерпретируется как 'множество видов троллейбусов'. С другой стороны, принцип семантического согласования лексической и грамматической части значения именной формы в случае многозначного грамматического показателя – каковым, как известно, является русский творительный (ср. Вежбицкая 1980, Janda 1993 и др.) – проявляется в том, что его значения оказываются **распределены** по разным семантическим классам имен. Так, творительный инструмента оказывается возможен для инструментов, но не, скажем, для одушевленных объектов или веществ, творительный средства – наоборот, для веществ, но не инструментов или периодов времени, творительный времени – для периодов времени, но не пространств, инструментов и др. В этом случае нужно только точно знать те семантические требования, которые предъявляет данное значение к классу совместимых с ним имен, но во многих случаях это означает в действительности необходимость пересмотра существующих грамматических описаний. Как следует из диссертации, во многом это касается и русского творительного. Действительно, при ближайшем рассмотрении оказывается, например, что русский творительный места должен был бы быть переименован в творительный траектории, творительный транспорта – в творительный "маршрутного" транспорта (тоже, в конечном счете, связанного с идеей траектории движения) – и т.д. Еще более подробно в диссертации исследуется творительный сравнения, который, согласно традиционным описаниям, вообще не имеет никаких ограничений на использование, т.к. теоретически, сравнивать можно все что угодно со всем что угодно. Показано, что творительный сравнения на самом деле релевантен для очень узкого класса имен, прежде всего таких, которые имеют характерную форму, ср. *располагаться углом* / *кругом* / *цепью* / *веером* и под.

Таким образом, и множественное число, и творительный в какой-то степени служат для уточнения таксономической классификации имен. Между тем, множественное число “отражает” не только таксономию, но – и даже в большей степени – мереологию предметного имени. Дело в том, что в наивной картине мира множественные объекты крайне редко представляются в виде действительно неограниченных множеств неопределенного состава. Более естественные с точки зрения языка множества – это группы, в которые объекты объединены в силу необходимости в процессе своего функционирования. Например, *пуговицы* обычно значит не вообще множество любых пуговиц, а множество пуговиц на данном предмете одежды, *дети* очень часто соотносятся с конкретной семьей, *карандаши* или *фломастеры* – с набором, состоящим из разных цветов, *ресницы* или *волосы* – с одним человеком и т.д. Частным случаем такой ограниченной группы, или набора объектов, будут, конечно, всем известные пары – *носки*, *руки*, *глаза* и др., для которых принято выделять специальное значение – парное множественное, отличное от просто множественного. Однако очевидно, что и за пределами парного множественного интерпретация формы множественного числа значительно чаще апеллирует к фиксированным наборам, нежели просто к множествам.

Другая сторона мереологических отношений – проблемы, связанные с отношением между частью и целым – тоже отражена в первой главе диссертации. Так же как и множества, части не существуют в природе сами по себе, без “вмешательства” человека. Это человек “видит” объекты как объединенные в множества или расчлененные на части и соответствующим образом называет их. Самую причудливую абстрактную загогулину, нарисованную на бумаге, с любыми ответвлениями мы, как носители языка, будем считать “целым”, нечленимым объектом, но у нарисованного дерева безошибочно выделим ствол, ветки и корни – как функционально значимые для данного объекта части. Рассматриваемые в работе конструкции – генитивная (*ручка двери*), с предлогом *от* (*ручка от двери*) и локативные (*ручка на двери*) позволяют реконструировать степени членимости предметов – как они видятся в языковой картине мира. Их три. Есть неотторжимые части, для которых годится только генитивная конструкция, ср. *угол стола*, но **угол от стола*, **угол на столе*. Есть просто части целого – как ручка двери, с которыми возможна и генитивная, и локативная конструкция и которые в произвольный момент могут быть отторгнуты от своего целого – тогда отношение между этой частью и целым выражается конструкцией с *от*. Наконец, как показано в диссертации, в языке выделяется еще одно мереологическое отношение, которое названо отношением **дополнительности**. Это отношение между двумя разными объектами, но так тесно связанными друг с другом в общем процессе функционирования, что они как бы представляются единым целым, ср. *шнурки ~ ботинки*, *нитка ~ иголка*, *блюдец ~ чашка* и др. В частности, для них, как и для “настоящих” частей и целых, совершенно естественны локативные конструкции и в особенности конструкция с *от* (ср.: *шнурки на ботинках*, *нитка в иголке / нитка от иголки*, *блюдец от чашки* и др.) – но не генитивная конструкция (ср. **нитка иголки*, **блюдец чашки*, **шнурки ботинок*, ...), требующая, как выясняется, более тесных связей между соответствующими объектами.

Вторая глава диссертации (“Двойные отражения: таксономия” рассматривает принципы сочетания предметных имен с *отыменными прилагательными* и возвращает нас к проблеме таксономической классификации. Выясняется, что способ интерпретации готового сочетания отыменного прилагательного с предметным именем зависит от того, к какому таксономическому классу относится в этом случае существительное и то имя, от которого образовано прилагательное. Фактически эта русская конструкция может быть тем самым уподоблена знаменитым английским сложным словам типа *stonewall*, соединяющим два имени. Некоторые таксономические классы образуют более или менее стандартные, естественным образом связанные, с точки зрения носителя языка, пары – например, емкость ~ содержимое или артефакт ~ помещение. Поэтому, например, сочетания типа *морская вода* или *кухонный нож* интерпретируются легко и без специального прагматического контекста как ‘вода, находящаяся в море’ и ‘нож, обычно находящийся и предназначенный для использования в данном типе помещений’. Такого рода интерпретации оказываются совершенно регулярны – так что *морская вода*, например, реализует тот же тип интерпретации, что и *баночное пиво* или *речная рыба*, а *кухонный нож* – тот же, что *спальный гарнитур* или *комнатные цветы*. Единственным обязательным условием, чтобы данная интерпретация имела и такое сочетание в языке было бы приемлемым, является то, что отношение между соответствующими объектами должно быть постоянным и иметь качественную специфику (последнее обстоятельство не раз отмечалось, в частности, в работах Е.А. Земской). Это значит, что сочетание *морской бинокль* допустимо и легко интерпретируемо, так как имеется тип биноклей, специально предназначенных для использования в море и он отличается от других, но **морской чемодан*, например, без дополнительного контекста не может быть понято, потому что у того чемодана, который, возможно, используется в морских путешествиях, никакой явной специфики в стандартных случаях нет.

Таким образом, все сочетания данного типа, находящиеся за пределами стандартных для таксономических классов пар, а также не соблюдающие данные ограничения, либо не интерпретируемы, либо интерпретируемы только в рамках сильного прагматического контекста. Но если мы имеем дело с семантически стандартной парой, мы можем точно предсказать значение сочетания с отыменным прилагательным. При этом обычно имена одного таксономического класса – *комната* и *кухня*, как помещение, *озеро* и *море* – как емкости (= водоемы), конечно, ведут себя одинаково. Именно поэтому данная конструкция позволяет выявлять нюансы именной классификации. В частности, оказывается, что сочетания с прилагательными *сельский* и *деревенский* ведут себя по-разному в этой конструкции – несмотря на то, что имена *деревня* и *село* не только принадлежат к одному таксономическому классу, но и, согласно МАС, значат практически одно и то же (‘населенный пункт в сельской местности’). Это означает только то, что в данном толковании просто не отражены некоторые существенные семантические различия между этими словами и оно должно быть пересмотрено – направление, в котором должен вестись поиск этих различий “указывается” конструкцией с отыменным прилагательным.

Другая причина, по которой регулярность интерпретаций внутри одного таксономического класса может нарушаться, вполне, как показано в диссертации, системная. Дело в том, что по причине своей лабильности, имена очень часто относятся сразу к нескольким классам одновременно, а не в разных своих значениях (эффекты такого рода описаны в работах Е.В. Урысон). Так, слово *море*, в отличие от *озеро*, является, согласно именной классификации, **одновременно** и водоемом (*глубокое море / озеро*), и пространством (*широкое море / *озеро* – как *широкая степь*), следовательно, число правильных сочетаний с прилагательным *морской* будет заведомо больше, чем с *озерный*, т.к. среди них неизбежно окажутся те, которые интерпретируются по модели “пространство” (ср., например, *морской / *озерный ветер* – ‘ветер с моря / в море’). И опять-таки, анализ конструкции с отыменными прилагательными позволяет выявить случаи совмещенной таксономии имени и в этом отношении также уточнить именную классификацию.

Третья глава диссертации (“В зеркале прилагательных”) является самой значительной по объему и посвящена анализу атрибутивных конструкций с качественными прилагательными и состоит из шести разделов и экскурса.

В *первом разделе* под названием “Прилагательные сквозь призму существительных” на примере сочетаний с *прочный, крепкий, жесткий, твердый* и др. прилагательных обсуждаются особенности таких конструкций в целом. Чтобы попасть в сферу действия признака, который обозначает прилагательное, предметное имя (согласно условию правильности атрибутивной конструкции) должно всегда быть семантически согласовано с ним. Но оказывается, что отсюда следует в частности и то, что данный признак должен быть не случаен для имени, а обязательно релевантен для обозначаемого им объекта в процессе его функционирования, в противном случае сочетание невозможно – так не говорят. Например, *прочный* обозначает устойчивость объекта к деформации при воздействии силы тяжести, поэтому говорят: *прочный мост, прочный стул, стол, крыша* и т.д. Во всех этих случаях в процессе функционирования данные объекты “проверяются” на прочность естественным образом: на мост давят машины, на крышу – снег и т.д. и т.п. Но сочетания типа **прочные очки* или **прочная тарелка* оказываются невозможны без специального прагматического контекста, и даже в этом случае воспринимаются как нарочито неправильные именно потому, что для этих объектов нормальное функционирование никак не связано с “проверкой на прочность” – несмотря на то, что, в определенных обстоятельствах, конечно, и они могут случайно подвергнуться воздействию силы тяжести и проявить устойчивость к ней, т.е. не сломаться. Таким образом, в работе показано, что атрибутивные конструкции связаны не с внешним, прагматическим, как считал Вендлер при анализе слова *good*, а с внутренним, встроенным в семантику имен предикатом, описывающим обычный способ функционирования объекта, причем связаны очень жестко, т.к. эта связь часто определяет правильность атрибутивной конструкции.

Более того, релевантной для правильности атрибутивной конструкции оказывается даже сам тип предиката и та роль, которую при нем занимает предметное имя – некоторые имена, такие как, например, механизмы и

инструменты, по своей природе **агентивны** – и они плохо сочетаются с **пациентными** прилагательными (по этой причине не говорят ^{??}*прочная лопата / машина*), и наоборот, пациентные имена плохо сочетаются с агентивными прилагательными (говорят, например: *быстрая машина* и даже *игла*, но не **быстрая тряпка*, **быстрая дверь* в значении ‘та, которая быстро открывается’ и под.).

Этот общий принцип построения атрибутивных конструкций лежит в основе сочетаемости конкретных типов качественных прилагательных, которые рассматриваются в следующих разделах данной главы, однако у каждого из них есть своя специфика, и эта специфика касается уже непосредственно того аспекта языковой картины мира (размер, цвет, ...), который они отражают.

Главная особенность прилагательных **размера**, как показано во *втором разделе* третьей главы диссертации, в том, что они, как оказывается, “видят” объект целиком как представителя определенного топологического класса (в терминологии Л. Талми), не выделяя отдельных его параметров. Есть вытянутые объекты – плоские, или типа стержней (но не ориентированных вертикально), или типа веревок – для них существенна длина, и к соответствующим именам (а вовсе не к любым у которых есть длина с точки зрения евклидовой геометрии) применимо прилагательное *длинный*. Поэтому говорят *длинная доска карандаш, канат*, но, например, не ^{??}*длинная книга, лампа, компьютер* и под. В работе выделены топологические классы, релевантные для каждого прилагательного размера. Показано, что поведение антонимов типа *длинный – короткий* никогда не симметрично (отчасти в силу того, что в русском языке возможны не только пары, но и тройки, как *большой – небольшой – маленький*, отчасти в силу других причин), но всегда мотивировано. Например, круг употреблений *короткий* несколько уже, чем у *длинный*, но, парадоксальным образом, как раз за счет того, что *короткий* сохраняет семантические требования *длинный* к топологическому классу имени: ведь некоторые объекты, укорачиваясь, перестают быть вытянутыми. Поэтому говорят: *длинный / короткий палец, палка, ...*, но, например, только: *длинное (*короткое) озеро, пятно, комната* и др.

Кроме того, как и все другие параметры, языковой размер антропоцентричен – мы говорим *глубокая (*высокая) тарелка, миска* и под., но *высокий (*глубокий стакан)*, хотя в обоих случаях “измеряются” емкости, в общем, одного и того же топологического типа, – потому что в первом случае для человека важнее внутренняя поверхность емкости (он измеряет ее, вычерпывая содержимое), а во втором – внешняя поверхность (он уже ничего не вычерпывает, а только наливает, но держит стакан соприкасаясь именно с его внешней поверхностью и, тем самым, измеряя ее). *Ноги* оказываются *длинными*, тогда как, например *колонны* – только *высокими*, потому что только во втором случае мы “смотрим” снизу вверх (а это одно из условий употребления прилагательного *высокий*).

Третий раздел посвящен прилагательным **формы**. В целом в языках, как свидетельствует типологическое исследование, проведенное в свое время Р. Диксоном (Dixon 1977), специализированные прилагательные формы

крайне редки, и русский язык не является в этом отношении исключением. Из прилагательных, обозначающих собственно форму (а не сложным образом совмещенные с ней признаки, ср., например, *острый*), в русском есть либо отыменные, как *круглый*, либо прилагательные “отрицательной” формы, как *кривой*, *косой*. Именно эти прилагательные и рассматриваются в данном разделе.

Общая идея состоит в том, что когда имени объекта приписывается какая-то специальная форма, мы, как носители языка, “видим” этот предмет в измененном состоянии, но одновременно мы как исследователи языка можем “с помощью” данной конструкции реконструировать ту форму, которая на самом деле присуща данному объекту в языковой картине мира. Существенно, что эта форма совсем не обязательно совпадает с формой реально существующего физического объекта, который данное имя называет. Например, *глаза* или *луна* в языке представляются как плоские, а не круглые; *дупло* “видится” как отверстие, а *пещера* – как помещение (хотя в физическом мире они с точки зрения формы тождественны: дупло можно считать такой маленькой пещерой в дереве, а пещеру – большим дуплом в горе); *дорога* или *линия* с языковой точки зрения обычно прямая, и отклонение от этого обычного состояния маркируется, когда их называют *кривыми*, но для *реки*, например, в отличие от *дороги*, никакой определенной формы в языке не предполагается, поэтому и отклонение от нее не маркируется (**кривая река*) и т.д. Особый интерес представляют для автора различия между *косой* и *кривой*, потому что они отражают в обоих случаях релевантные для языка, но совершенно разные типы отклонений от канонической формы.

В *четвертом разделе* рассматриваются прилагательные основных для современного русского языка *цветов* – и тоже с точки зрения ограничений на их сочетаемость с целью выявить стоящую за этими прилагательными семантику. Надо сказать, что цвет представляет очевидное исключение по сравнению со всеми остальными параметрами объектов по степени исследованности: семантика цвета, в особенности после знаменитой работы Berlin & Kay 1969, привлекала внимание многих лингвистов. Однако обычно под семантикой для цвета понимается сам цвет – т.е. физический объект, стоящий за данным признаком. В этом отношении исключением является работа А. Вежбицкой (см. Wierzbicka 1990), в которой она соотносит названия цветов не с реальными цветами, а с прототипическими для них объектами. Автор диссертации не связывает себя в этом случае обязательным поиском конкретного прототипа, но, так же как и А. Вежбицкая, предполагает, что семантика цвета должна изучаться в том же ряду и теми же лингвистическими методами, что и семантика формы или размера. Применение этих методов показывает, что практически за каждым прилагательным цвета стоит определенный набор контекстов, а иногда и определенный смысл – например, *серый*, как показано в работе, в русском языке отчетливо связывается с идеей незаметности. Даже звери, имеющие в языке этот цвет, обладают таким свойством, ср. *серый заяц*, *мышь*, *волк*, ср. также: *Ночью все кошки серы*. Другой пример – прилагательное *коричневый*, являющееся в русском языке довольно поздним заимствованием (см. Бахилина 1975) которое воспринимается как обозначающее искусственный

цвет, краску и никогда не употребляется с именами натуральных объектов, ср. **коричневая земля, медведь*. Наоборот, прилагательные *бурый* и *рыжий*, легко заменяющие в таких контекстах *коричневый*, практически не употребляются с артефактами (**купили бурое пианино*). В подобных случаях бывает трудно выделить конкретный прототип в смысле А. Вежбицкой, но такого рода ограничения (а на них в работе обращается особое внимание) имеют самое непосредственное отношение к семантике цвета.

Существенно, что в языковой картине мира, в отличие от мира действительности, вовсе не все объекты имеют цвет, а в основном те, у которых он может меняться. Это в первую очередь относится к артефактам – но не ко всем: ср., например, всегда одноцветные металлические вилки и ножи (которые с языковой точки зрения цвета не имеют). Природные объекты меняют цвет не все – мы говорим *голубое / серое ... небо, синяя / черная ... вода, зеленые / желтые деревья* и др., но, например, животные в языке по большей части “бесцветны”: не говорят ни **желтый лев*, ни **серый воробей* и т.п. Исключения здесь составляют экзотические птицы, типа попугая – которые ведут себя подобно артефактам, либо очень небольшой набор культурно значимых зверей типа *заяц, мышь, медведь, лягушка* и др., для которых цвет является частью фольклорного образа, он семантически значим и может быть (как в случае с *серым*) использован как материал для семантического анализа. Однако огромное число объектов в языковой картине мира все же оказывается “бесцветным” – в силу того, что как и в других случаях, приписываемый объекту признак никогда не может быть для него случайным.

Пятый раздел главы посвящен прилагательным *температуры*. Температура интересна в двух отношениях. Во-первых, она, как и цвет, в жизни определяется довольно сложным научным образом с помощью особой шкалы и специального прибора – градусника, которые, как и длина волны для цвета, конечно, не могут иметь никакого отношения к тому, что о них думает носитель естественного языка. Следовательно, первая проблема здесь – это поиск каких-то абсолютных, но уже семантических коррелятов для разных значений температурной шкалы. С другой стороны, бытовое представление о температурных значениях очень размыто и, например, имеется довольно большое число прилагательных, которые по своему значению очень близки к *теплый*: *прохладный, чуть теплый, тепловатый, холодноватый* и очевидным образом в физическом мире имеют одни и те же “температурные корреляты” – то, что одному покажется *прохладным* для другого будет *теплым* или *холодоватым*, и т.п. Ясно, что в этой зоне температурная семантика в гораздо большей степени, чем цвет, связана с оценкой.

В работе решаются обе задачи. Показано, что главной точкой отсчета для русской температурной шкалы является температура человеческого тела. Ей соответствует значение прилагательного *теплый*. Все, что выше этой температуры – *горячее* или *жаркое*, а все, что ниже – холодное. Интересно, что значения высоких температур (*горячий* и *жаркий*) различаются по тому, как человек определяет температуру данного объекта: тактильно или нет. Поэтому *вода* всегда будет *горячей*, а *солнце, пустыня, баня* – *жаркими*. Тактильно “измеряя” температуру (например, *горячих*) объектов, т.е. так или

иначе соприкасаясь с ними, человек невольно сравнивает эту температуру с температурой своей руки (если он трогает этот объект), подошв ног (если он идет по этой поверхности), рта (если он ест или пьет) etc. Таким образом, “измерение” температуры объекта происходит само собой и только для тех объектов, для которых эта процедура действительно существенна.

Интересно, что в шведском (и, возможно, в других германских языках) “пороговым” значением и для высоких, и для низких температур является неприятная для человека температура объекта – например обжигающая или просто холодная; они противопоставляются приятной для человека температуре. Ввиду этого шведская система температур оказывается плохо переводимой на русский в “теплой” и “горячей” части шкалы, т.к. шведское *varmt* в русском распадается на *теплый* и *горячий*. Шведское же *het*, хотя и переводится однозначно – как *горячий* – понимается носителями шведского языка совершенно иначе (Копчевская & Рахилина 1999).

Как уже было сказано, специальный интерес представляют “промежуточные” значения температур в языке. В работе дан тщательный семантический анализ соответствующих прилагательных и предложены их семантические описания. Особое внимание уделяется кроме того температурным метафорам. Они, как оказывается, тоже образуют свою шкалу, по которой самые высокие значения температур соответствуют чувственным страстям, чуть ниже – живой, быстрый темперамент и его внешние проявления, затем – искренние человеческие отношения и реакции, ниже – равнодушие и неприятие.

В каком-то смысле главный результат проделанной в данном разделе диссертации работы состоит в том, что в ней доказано существование в языке особой, “температурной” классификации имен. В конце раздела устройство такой классификации описывается и специально отмечаются ее отличия от обычной таксономической классификации.

Шестой раздел третьей главы посвящен анализу атрибутивной конструкции с прилагательным *старый*, в результате которого предметные имена классифицируются еще и по своим **аспектуальным характеристикам**. Традиционно аспектуальные характеристики считаются “привилегией” глагола. Именно они позволяют “распределять” обозначаемую им ситуацию во времени то сжимая ее до точки, то растягивая, то повторяя и т.п. – иными словами, они позволяют как бы рассматривать ее в разном аспекте. Считается, что на имена переносится только глагольное время, которое соотносит время ситуации с моментом речи. В именах время выражается с помощью прилагательных *бывший*, *прежний*, *будущий* (см. подробнее Dahl 1975; Кронгауз 1989; Яковлева 1994; Булыгина, Шмелев 1996). Но в принципе, известно (см., например, Шмелева 1994), что для небольшой группы имен лиц, образованных от глагола, возможно и противопоставление по виду, ср. *спаситель* ~ *спасатель*. Здесь категория вида сохраняется ровно в том виде, в каком она присутствует в глаголе (ср. *спасти* ~ *спасать*), но в принципе, конечно именам могут быть свойственны совершенно особенные аспектуальные характеристики. Именно их обнаруживает в атрибутивном сочетании с предметными именами прилагательное *старый*.

Анализ сочетаний с этим прилагательным обнаруживает возможность четырех типов интерпретаций, которые в основном дополнительно распределены по четырем же типам имен. К первому типу относятся природные объекты, изменяющиеся во времени, ср. *старый дуб*; ко второму – артефакты, жизненный срок которых фиксирован, ср. *старая тряпка*; к третьему – так называемые “сменные” объекты, ср. *старая шина*; наконец, четвертый класс образуют креативные объекты, ср. *старые картины*. В работе показано, что не только имена неодушевленных предметов, но и имена лиц в общем распределяются по этим классам и благодаря заложенным в них разным семантическим характеристикам (а не, как принято считать, благодаря разным значениям слова *старый* в русском языке), они получают разные интерпретации в данной атрибутивной конструкции. Эти семантические характеристики отражают то, как, согласно русской языковой картине мира, такие имена соотносятся с временной осью как таковой – не с моментом речи. Поэтому это именно не временные, а аспектуальные характеристики имен, но уже не тождественные глагольным, а присущие специально именам. Вместе с тем, они в чем-то аналогичны некоторым глагольным классам – потому что разные семантические классы глаголов, как известно, тоже оказываются “склонны” к тому или иному видовому значению. Например, изменяющиеся природные объекты можно сближать с градативами типа *расти*, артефакты с ограниченным сроком жизни – с делимитативами типа *почитать* и т.д.

Важным обстоятельством, как всегда, является то, что данная классификация не является абсолютно жесткой – как и все предыдущие именные классификации – потому что имя, в силу своей природы, может одновременно относиться сразу к двум и более ее классам. В диссертации специально отмечается, что это обстоятельство нисколько не затрудняет носителя языка, потому что ему естественно рассматривать один и тот же объект с разных сторон одновременно. Например, *игрушка* является обычным артефактом с ограниченным сроком жизни и поэтому *старая игрушка* может значить ‘пришедшая в ветхое состояние’. С другой стороны, игрушки ориентированы на определенный возраст ребенка, и поэтому могут восприниматься также как сменные объекты – тогда *старая игрушка* уже значит не ‘ветхая’, а ‘прежняя’. Однако игрушка может быть кем-то сделана и в этом случае она претендует на то, чтобы попасть в класс креативных объектов, связанных с автором и эпохой создания, так что *старые игрушки* кроме того может значить и ‘старинные’. Все это происходит не потому, что, например, у слова *игрушка* в русском языке три значения, а потому, что предметное имя является набором очень большого числа свойств, которые могут акцентироваться в большей или меньшей степени – в зависимости от контекста.

Главу завершает *Экскурс* (“О сочетаемости прилагательных и о национальных стереотипах в языке”), где рассматривается сочетаемость имен, обозначающих свойства человеческого характера – такими как *аккуратность, чистоплотность, дипломатичность, щедрость* и др. под. с прилагательными, называющими национальности: *немецкий, французский, русский*, географические зоны: *южный, восточный, ...*, пол и возраст – *женский, мужской, детский*, а также прилагательными *столичный* и

провинциальный и под. Рассматривались только те сочетания, которые названы в работе “лингвистически отмеченными” – они не требуют дополнительного контекста и могут быть дополнены наречиями типа *чисто* или *типично*. Для этих сочетаний реконструируется тот языковой образ – немца, провинциала, мужчины и т.п., который определяет их приемлемость и даже лингвистическую отмеченность в русском языке.

В четвертой главе диссертации (“Имена в зеркале предлогов и *vice versa*”) рассматривает конструкции с предлогом *у* и предлогами *через* и *сквозь*.

Особенности предлога *у*, как показано в диссертации, являются проявлением правил более общего характера, выделяющих в любом фрагменте естественно-языкового текста начиная со слова, наиболее значимый с коммуникативной точки зрения компонент, который можно было бы назвать рематическим. Именно этот компонент обычно попадает в сферу действия разного рода операторов. Частным случаем здесь является известное отношение между оператором отрицания и ассерцией, а в действительности эффекты того же рода не раз отмечались в лингвистической литературе на совершенно другом, чем отрицание, лингвистическом материале (см., например, Арутюнова 1976: 354 и след., Булыгина 1980: 347-348). В частности, как отмечается в данном разделе, предметные имена, которые, конечно, не отрицаются в нормальном случае и к которым, следовательно, неприменимо понятие презумпции или ассерции в их каноническом определении, тем не менее, обычно различают рематическую (применительно к глаголу можно было бы сказать ассертивную) и тематическую (презумптивную) составляющие.

Русское *у* замечательно тем, что оно в конструкции часть-целое выделяет в качестве ремы целое, а не часть, как конструкция с родительным падежом (см. также Мельчук, Иорданская 1995, где коммуникативно значимая часть конструкции называется фокусом). Трудность, однако, в том, что синтаксически подлежащим в данной конструкции – а значит и фрагментом текста, “законно”, попадающим в сферу действия всякого оператора (им в данном случае служит глагол), является часть, а не целое, а семантически ремой обязано при этом быть целое (часть акцентируется в генитивной конструкции). Из этого противоречия возникает столь парадоксальная необходимость конструкции с *у* тщательно “выбирать” для себя глагол – так что в результате оказывается, что неожиданным образом одно и то же отношение вдруг в одной ситуации (т.е. с одним глаголом) выразимо, а в другой – нет. Но дело в том, что для *у* “годятся” только такие глаголы, которые, описывая часть, одновременно описывают и целое. В Рахилина 1990 этот класс назван глаголами локативного состояния, ср. *гнить*, *ломаться*, *пачкаться* и мн. др.

Семантика *у* очень особенна, большинство предлогов описывают чисто локативные отношения и выделяют *у* имен специфические топологические свойства, необходимые для интерпретации предложных конструкций. В этом отношении совершенно образцовыми являются предлоги *через* и *сквозь*, рассматриваемые в следующем разделе четвертой главы.

Задачей данного раздела, как и предыдущего, является не столько описание и анализ возможных именных контекстов употребления предлогов, сколько через посредство этих контекстов, т.е. уже имея в своем распоряжении информацию о тех требованиях, которые данная конструкция предъявляет к именам, исследование более глубоких особенностей данной конкретной конструкции. Если в случае с *у* речь шла о дополнительных нетривиальных ограничениях на предикат и коммуникативной организации, то в случае с *через* и *сквозь*, ввиду их многозначности главной трудностью является избежать их слишком дробного описания. Поэтому главный акцент делается на возможности целостного представления их семантики – в виде связанных друг с другом блоков единой семантической сети (ср. Brugman 1988, Brugman, Lakoff 1988). Показаны также механизмы перехода от одного блока к другому. Возможности такого перехода связаны с противопоставлением “устойчивых” и “подвижных” параметров в значении слова. Устойчивые параметры сохраняются во всех модификациях значения; именно на них основано семантическое противопоставление двух предлогов в контекстах одинаковой структуры. Подвижные параметры (в случае предлогов *через* и *сквозь* это, например, наличие / отсутствие контакта, физический / перцептивный характер движения и т.п.) могут менять свое значение в зависимости от изменения топологических и др. свойств участников ситуации и, тем самым, способствовать появлению новых модификаций. С другой стороны, “выбор” каждым из этих предлогов в качестве именного контекста довольно разнородных по своим семантическим свойствам существительных в конечном счете оказывается не случайным, потому что для *через* он мотивирован идеей “промежуточного этапа” движения, а для *сквозь* – идеей “среды” движения. Таким образом одновременно в работе описываются и различия между этими предлогами как квазисинонимами.

Пятая глава диссертации – “В зеркале пространственных конструкций: границы и ориентация” также состоит из двух разделов. Первый посвящен границам объектов как они отражаются в наивной картине мира, а второй – проблеме представления ориентации их в пространстве.

Элементарной пространственной моделью мира является обычный рисунок – картинка, отображающая, что, как и каким мы видим вокруг себя. Именно картинка дает нам простейший пример “неприспособленности” естественного языка для точного воспроизведения окружающей человека среды: всем знакомы трудности, связанные с объяснением маршрута словами. Если этот маршрут оказывается хоть сколько-нибудь длинным и предполагает хоть какое-то ориентирование, то всегда оказывается во много раз легче его нарисовать, чем рассказать. Итак, картинка проще слов. Но почему? Некоторые ответы на этот вопрос содержатся в этой части диссертации.

Например, показано, что в русской языковой картине мира совсем не всякий предмет “имеет” границы. Действительно, стандартными обозначениями границ в русском являются *кромка*, *край* и *конец*. *Край* и *кромка* называют границы поверхностей (ср. *край* / *кромка* доски, но: **край* / *кромка* бревна), причем только “открытых”, т.е. не соприкасающихся с другой поверхностью (ср. например, сочетание *края* стакана, которое

соотносится с границей его боковой поверхности, но только с верхней, “открытой” границей, и никогда – с нижней). *Конец* – границу вытянутого предмета (*конец палки, доски*), но обязательно невертикального. Для вертикальных объектов есть специальные слова, обозначающие их верхнюю границу – типа *вершина* (горы), *верхушка* (дерева), *макушка* (человека), но только для очень немногих. Легко видеть, что “необслуженными” в отношении языковых границ оказывается большинство объектов внешнего мира, которые не являются поверхностями или вытянутыми объектами. Никак лингвистически регулярным способом нельзя обозначить, например, “верхний конец” фонаря или “верхний край” крыши, или границы шара и т.д. и т.п.

Другая сторона той же проблемы – это способ фиксации языковыми средствами положения объекта в пространстве. С этой целью в диссертации подробно рассматривается особая конструкция – конструкция ориентирования: *X V Y-ом к Z* (*он стоял лицом к стене*). Она используется только для покоящихся объектов – если объект движется, то его ориентирует в пространстве само движение, а в языке маркируется лишь отклонение от обычного способа движения (*ехал задом наперед*). Таким образом глагольное место в этой конструкции всегда занято либо позиционным предикатом типа *стоять, лежать, располагаться* и под., либо каузативом к нему. Наиболее существенными и нетривиальными, однако, являются ограничения на ограничения на *Y*, который обозначает ту часть *X*-а, которой он повернут к *Z*. Выбор *Y* зависит, в частности, от того, в каком (горизонтальном или вертикальном) положении находится *X*, а кроме того, откуда на него “смотрит” *Z*.

Конечно, существует довольно большое число случаев, в которых выбор ориентира обусловлен прагматически – например, совершенно правильным будет предложение типа *этажерка стоит книжками к двери*, однако вместе с тем в языке существует довольно значимая с коммуникативной точки зрения зона, где выбор ориентиров строго регламентирован. Это касается прежде всего человека, животных и некоторых культурно значимых объектов. Так, ни в каком контексте, безусловно, невозможно предложение типа **Он стоял глазами к президенту* – в этой ситуации есть только один способ выразить ориентацию: сказать *лицом к президенту* (при том, что глаза и лицо, а также, например, грудь, живот, колени, лоб и мн. др. части тела в физическом мире имеют ту же ориентацию, что и лицо). Аналогично, по-русски говорят: *дом стоял окнами в поле*, но никогда: **дверью / дверьми в поле*, потому что *дом*, в отличие от этажерки, холодильника и проч. тоже попадает в эту особую для ориентирования, отмеченную с языковой точки зрения зону. В диссертации зафиксированы все возможные способы выразить положение в пространстве для каждого случая в этой особой зоне.

Попутно в работе описаны различия между *вверх ногами* и *вниз головой*. Действительно, с денотативной точки зрения, они обозначают просто перевернутый объект – причем если у него есть ноги, то обычно есть и голова, значит в общем, можно ожидать, что данные выражения в языке будут практически синонимичны. Однако в естественном языке в таких случаях неизбежно происходит семантическое распределение языковых единиц, так что в действительности в результате *вверх ногами* и *вниз головой*

далеко не тождественны по смыслу. *Вниз головой* применяется только в ситуации, когда объект висит, причем действительно вниз головой (т.е. наличие головы оказывается в этом случае строго обязательным). Так может висеть гимнаст в цирке или, например, вяленая рыба – но не, например, ружье и даже не портрет на стене. С другой стороны, если йог стоит в перевернутом положении на полу, это будет называться не **стоит вниз головой* (но в то же время и не **стоит вверх ногами*), а *стоит на голове*. *Вверх ногами*, наоборот, является общим способом указать на перевернутое положение любого объекта, но, удивительным образом, не человека. *Вверх ногами* можно *держат* ручку, нож, *надеть* шляпу – и даже очки, но ребенка в перевернутом состоянии *держат* только *вниз головой*.

Обилие сложных ограничений в конструкциях такого рода, как следует из проделанного исследования, приводит либо к лексикализации или фразеологизации конструкции – как это фактически происходит с конструкцией ориентирования для особых контекстов, либо, наоборот, к такой ее синтаксической трансформации в живой речи, когда теряется возможность соблюдать семантические ограничения. Последнее происходит, в частности, с границами: вместо *с краю стола*, в разговорной речи все чаще употребляется *с краю на столе / за столом*. Фактически *с краю* переходит в таких случаях из класса существительных в класс наречий, которые гораздо терпимее относятся к своему окружению. Таким образом, в работе прослеживается и процесс грамматикализации данных конструкций.

В шестой главе диссертации – “В зеркале позиционных глаголов” имена рассматриваются в контексте четырех глаголов положения в пространстве: *стоять*, *лежать*, *сидеть* и *висеть*. Принято считать, что три первые глагола классифицируют имена по их топологическим типам: вертикальные объекты в языке *стоят*, горизонтальные – *лежат*, “сложенные” – *сидят*. В диссертации продемонстрировано, что примеры употребления данных позиционных глаголов слишком часто противоречат такому описанию. Самым показательным в этом отношении примером является слово *лодка*: про *лодку* можно сказать и что она *стоит*, и что она *лежит*, хотя, конечно, в обоих случаях лодка имеет одну и ту же форму. Однако в первом случае это значит, что лодка спущена на воду, а во втором – что она вытащена на берег. Этот и многие другие примеры, подробно разобранные в работе, свидетельствуют, что *лежать* и *стоять* противопоставлены в русском языке не как позиционные предикаты, а по признаку вовлеченности объекта в ситуацию нормального функционирования. Если подразумевается, как в случае с лодкой на воде, что предмет находится в “рабочем состоянии”, то употребляется глагол *стоять*, в противном случае – *лежать*. Ср. также в переносном значении, например: *пыль стоит столбом* (= *пылит*, т.е. “работает”) – *пыль лежит толстым слоем*.

Глагол *сидеть*, как оказывается, тоже “сосредоточен” не на положении объекта в пространстве, а на том, насколько постоянна эта позиция с точки зрения говорящего. Этот глагол предпочитает объекты, находящиеся в одном и том же, фиксированном положении, ср.: *гвоздь сидит в стене*, *топор на топище*, *платье хорошо сидит* и под. Переносные значения всех этого глагола также сохраняют это значение, так, выражения

типа: *он три года сидит над диссертацией*, а также: *сидеть в засаде, в тюрьме, в девках, на одних фруктах, сидеть без хлеба* и мн. др. конечно не означают, что человек находится в сидячем положении в течение длительного времени – но означает, что в течение всего этого времени сохраняется некоторое определенное состояние: ‘работать над диссертацией’, ‘находиться в засаде или тюрьме’, ‘быть не замужем’ и под.

Особого анализа требует глагол *висеть*, который, как известно, описывает такое положение объекта в пространстве, при котором он так или иначе связан с некоторым другим, его поддерживающим. Однако главная идея русского *висеть*, как выясняется, состоит в том, что несмотря на это объект мыслится как абсолютно автономный, и если такое его представление почему-то противоречит данной ситуации, глагол *висеть* оказывается невозможным. В этом и состоит разгадка своеобразной лингвистической задачи, предложенной в свое время Ю.Д. Апресяном: почему про обои на стене по-русски не говорят *висят*, но если кусок тех же обоев прикреплен и даже приклеен к стене, и на нем нарисована, скажем, таблица Менделеева, то говорят: *Таблица Менделеева висит на стене*. Дело в том, что в случае, когда обои просто приклеены как обои, они являются **дополнителем** к стене (понятие дополнителя разобрано в разделе, касающемся первой Главы). Дополнители же, как ясно из первой Главы диссертации, аналогично частям, осмысляются как несамостоятельные объекты. Поэтому ни части, ни дополнители в русском языке *висеть* не могут. Но если на куске обоев что-то нарисовано, этот кусок обоев превращается тем самым в другой, самостоятельный объект – и употребление *висеть* становится возможно.

Анализ глагольных контекстов, таким образом, тоже позволяет выявить нетривиальные свойства имен – как ингерентные, так и контекстно-зависимые, релевантные для представления объектов в языковой картине мира.

Седьмая глава диссертации – “Взгляд изнутри: валентная структура” – исследует предметные имена в контексте притяжательного и одновременно вопросительного местоимения *чей*. Известно, что вопросительная переменная в контексте частного вопроса обычно связывает какую-то свободную переменную той лексемы, которая попадает в сферу действия вопросительного слова (подробнее см. Рахилина 1990). Это значит, что ответ на частный вопрос в огромном большинстве случаев предполагает заполнение валентности того слова, к которому он задан. В случае с *чей* вопрос задается к имени – значит, заполняться должна, теоретически, именная валентность. Но в теории валентностей предметные имена практически не обслужены – за исключением реляционных, типа *брат, друг* и под., поэтому контекст с *чей* может служить своеобразным индикатором для выявления хотя бы фрагмента валентной структуры предметного имени. В работе последовательно анализируются классы имен, в контексте которых вопрос с *чей* получает специфическую интерпретацию: реляционные, функциональные (артефакты), имена натуральных классов, креативные и нек. др. Основой “валентного” описания предметного имени предлагается считать механизм наследования им валентностей встроеного в его семантику предиката, который описывает способ обычного использования / функционирования этого объекта.

Отдельно разбирается проблема интерпретации вопросов с *чей* к отглагольным именам типа S_0 (*чье возвращение / помощь / преследование* и под.). Эти имена традиционно считаются имеющими валентную структуру. И все-таки для адекватного представления вопросительной конструкции с ними в их семантическом описании тоже приходится усматривать некоторый дополнительный предикат, по сути, эксплицирующий разницу между отглагольными именами этого типа и инфинитивами.

Приложение 1 (“Отражение семантики предметных имен в системе «Лексикограф»”) касается устройства компьютерной системы, которая стала базой для проведения данного диссертационного исследования. Система разработана автором в рамках более общего проекта по созданию Базы данных по русской лексике “Лексикограф” (рук. Е.В.Падучева) с целью облегчения лексикологической и лексикографической работы с предметной лексикой. Она содержит около 4000 существительных, каждому из которых приписываются значения некоторого заданного набора признаков типа “таксономический класс” или “мереологический статус”. Программное обеспечение системы (разработанное И.С. Красильщиком) позволяет выявить классы имен, обладающих данным значением признака (например, все части) или набором таких значений (например, имена, являющиеся частями, но не всякими, а только одежды – как *рукав* или *воротник*). В приложении описывается лингвистическое обеспечение Базы данных, причем все решения, принятые при ее разработке, мотивируются.

Приложение 2 (“Идеи и идеологи когнитивной семантики”) является подробным обзором нового направления в западной лингвистике, недостаточно широко известного в России и называющего себя когнитивным. Это направление интересно во-первых тем, что по сути оно единственное из всех других западных школ и течений в лингвистике как-то сближается с традициями отечественной семантики. По крайней мере – и на это акцентирует внимание автор диссертации – многие задачи, которые представители этого направления считают первоочередными для лингвистических исследований, “переводимы” на привычный нам язык лингвистического описания. Целью обзора фактически и является такого рода “перевод” идей, направлений исследования и достижений когнитивной лингвистики.

В **Заключении** формулируются основные результаты и выводы диссертационной работы.

1. Языковая картина мира – в том ее фрагменте, который касается проведенного в диссертации исследования – существенно отличается от действительности как таковой. Ни форма, ни размер, ни цвет, ни другие физические признаки, никогда не представляются в языке такими, какими мы их видим вокруг себя. Язык антропоцентричен по своей природе, поэтому отражая мир, он всегда “смотрит” на него с точки зрения человека.

2. Языковое поведение лексики – т.е. сочетаемость и ограничения на нее – не случайно, оно отражает семантические свойства этой лексики, и, в конечном счете, ту самую языковую картину мира, которая свойственна данному языку. Эти свойства могут быть реконструированы в процессе исследования лексической сочетаемости.
3. Представление о существовании в языке зоны абсолютно свободной сочетаемости есть не что иное, как иллюзия, которая исчезает, едва лишь сочетаемость начинает рассматриваться сколько-нибудь подробно. И в зоне традиционно считавшейся свободной, а именно, в зоне адъективных конструкций с качественными прилагательными цвета и размера, обнаруживаются существенные ограничения и достаточно строгие правила, задающие границы сочетаемости.
4. То же касается и сочетаемости лексем (в данном случае, имен) с грамматическими показателями – семантика числовых и падежных форм, несмотря на их морфологическую регулярность, всегда зависит от семантики лексемы, а сама сочетаемость с грамматическим показателем тоже регулируется правилами сочетаемости.
5. В ряде случаев эти правила “задействуют” информацию, которую принято выносить за рамки семантической – но это означает только то, что рамки семантического описания должны в этих случаях быть раздвинуты по сравнению с традиционным описанием.
6. Возможно, в большей степени это касается предметных имен, нежели имен предикатных, т.к. главной особенностью предметной лексики является отсутствие для нее, как, например, для глагола, одной определенной конструкции, наиболее полно отражающей сразу все ее свойства – подобно аргументной структуре глагола. Предметное имя “ориентировано” одновременно на множество синтаксических конструкций (в работе это его свойство названо *лабильностью*), и в каждой проявляет заранее “заложенные” в нем, но акцентированные именно данным контекстом свойства.
7. Наиболее существенным в определении языкового поведения имени является таксономический класс (в его традиционном понимании). Однако степень дробности такой классификации для многих лингвистических задач – например, для описания сочетаемости с отыменными прилагательными или значений творительного падежа – должна быть очень высока.
8. С другой стороны, в языке не соблюдается принцип древовидности таксономической классификации – одно и то же имя может легко в сознании носителя языка относиться к двум и даже более классам, причем в одном и том же значении. Данное свойство имен есть еще одно проявление их лабильности.
9. Однако помимо таксономической классификации, в зоне предметной лексики действуют и другие – например, топологическая, температурная, цветовая – и в этих случаях представление о месте имени в данной классификации является его постоянным семантическим свойством, которое “знает” носитель языка.
10. Отдельно следует отметить мереологические классификации, свойственные имени. Они отражают потребность человека объединять и

разделять предметы, называя их, так что здесь когнитивная природа языка особенно очевидна.

11. Параллельно, для порождения правильных сочетаний с предметными именами, может понадобиться и информация, присущая данной конкретной ситуации – например, как в случае со *стоять* и *лежать*, о том, является ли эта ситуация для него функциональной или нет – но все равно семантическое описание должно быть способно так или иначе “предвидеть” потребность в информации такого рода, т.к. она не является случайной для языковой картины мира.
12. В частности, функциональная составляющая имени, т.е. представление о наиболее характерной для него ситуации функционирования и использования определяет его языковое поведение в очень большой степени. Даже случайный, на первый взгляд, признак, приписываемый имени в атрибутивной конструкции, семантически должен быть согласован с этой ситуацией – т.е. должен в ней так или иначе проявляться – в противном случае это атрибутивное сочетание оказывается неприемлемым с точки зрения языковой правильности.
13. Кроме того, функциональный предикат (или несколько таких предикатов), который, следовательно, должен в большинстве случаев присутствовать в семантическом представлении имени, чтобы отразить его связь с обычной для него ситуацией (ситуациями), всегда связан с определенным набором участников этой ситуации и имеет свою валентную структуру. Таким образом предметное имя невольно оказывается “наследником” этих предикатных отношений и валентностей, и они тоже определяют его сочетаемость.
14. Работа, связанная с описанием семантики предметных имен, ввиду того, что она связана с множеством самых разнообразных конструкций, невольно обращает внимание исследователя и на другие языковые единицы и другие лингвистические эффекты – например, проблему коммуникативного членения семантической информации, соответствующей одной лексеме, проблему грамматикализации или описание полисемии предлогов. Однако каждый раз причиной такого “отклонения от темы” служит не праздное любопытство, а потребность найти причины тех или иных фактов, связанных с поведением имен, т.е. вскрыть мотивы языкового поведения имен и представить язык – в рассматриваемом фрагменте – как сложный, но при этом единый и слаженный механизм для человеческого видения мира, дающий цельную картину действительности.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях

Монографии:

1. Семантика или синтаксис? (К анализу частных вопросов в русском языке). München: Sagner, 1990.
2. Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. М.: Помовский и партнеры, 1993 (в соавт. с А.Н. Барановым и В.А. Плунгяном).

Статьи:

1. К основаниям лингвистической мереологии // Семиотика и информатика, 1989, вып. 30, 75-79.
2. По поводу “концептуального анализа” А. Вежбицкой // Р.М. Фрумкина (ред.), Язык и когнитивная деятельность. М.: ИЯз АН СССР, 1989, 46-51.
3. Предметные имена и лексическая типология // В.И. Подлесская (ред.), Проблемы семантической и синтаксической типологии. М.: Наука, 1989, 10-15. (в соавт. с М.И. Воронцовой)
4. Predicting co-occurrence restrictions using semantic classification in the lexicon // COLING-1990, vol. 3. Helsinki, 1990, 126-130. (в соавт. с Е.В. Падучевой).
5. Словарная статья слова *ЗАБОР* // Семиотика и информатика, 1991, вып. 32, 154-155.
6. Предметные имена и имена предикатов // НТИ, сер. 2, 1991, N 5.
7. Прилагательные сквозь призму существительных и vice versa // НТИ, сер. 2, 1991, N 9, 26-28.
8. Лексическое значение и коммуникативная структура // НТИ, сер. 2, 1992, N 6, 27-30.
9. Semantic dictionary viewed as a lexical data base // COLING-1992. Nantes, 1992, 194-199 (в соавт. с Е.В. Падучевой, М.В. Филипенко).
10. Предметные имена в системе “Лексикограф” // НТИ, сер. 2, 1992, N 9, 24-31 (в соавт. с И.С. Красильщиком).
11. Словарь как лексическая база данных: об экспертной системе “Лексикограф” // НТИ, сер. 2, 1993, N 11, 18-20 (в соавт. с Г.И. Кустовой, Е.В. Падучевой и др.)
12. Лексические базы данных LADL – автоматизация французского синтаксиса (обзор) // НТИ, сер. 2, 1993, N 5.
13. Предметные имена и предложные конструкции // В.И. Беликов и др. (ред.), Знак: Сб. статей памяти А.Н. Журина. М.: Русск. уч. центр, 1994, 181-190 (в соавт. с М.И. Воронцовой).
14. О лексических базах данных // Вопросы языкознания, 1994, N 4, 107-113.
15. Семантика размера // Семиотика и информатика, вып. 34, 1995, 58-81.
16. О цветном и бесцветном // Русистика сегодня, N 1, 1995, 50-69.
17. Семантические типы предметных имен: грамматика, лексика и когнитивная интерпретация // “Диалог '95”: Труды Международного семинара по компьютерной лингвистике. Казань, 1995, 252-258 (в соавт. с В.А. Плунгяном).
18. Is aspectual classification of nouns possible? // P. Dekker, M. Stokhof (eds.), Proceedings of the 10th Amsterdam colloquium. Amsterdam, 1996, Pt. III, 627-634.
19. Семантика посессивности и вопрос (о русской лексеме *чей*) // НТИ, сер. 2, 1996, N 4, 21-26.
20. “С чисто русской аккуратностью”: к вопросу об отражении некоторых стереотипов в языке // Московский лингвистический журнал, 1996, т. 2, 340-351 (в соавт. с В.А. Плунгяном).
21. Полисемия служебных слов: предлоги *через* и *сквозь* // Русистика сегодня, 1996, N 3, 1-17 (в соавт. с В.А. Плунгяном).

22. Атрибутивные конструкции с русскими прилагательными размера: два частных случая // НТИ, сер. 2, 1996, N 11, 31-35.
23. Рец. на кн.: С. Goddard, A. Wierzbicka (eds.), *Semantic and lexical universals*. Amsterdam, 1994 // Вопросы языкознания, 1996, N 3, 139-143 (в соавт. с В.А. Плунгяном).
24. Посессивность и вопрос // А.В.Бондарко (ред.), *Теория функциональной грамматики: локативность, бытийность, посессивность, обусловленность*. СПб: Наука, 1996, 27-51.
25. Okre¶lanie wymiaru w cz¶ci ci¶cia w j¶zyku rosyjskim // R. Grzegorzewska, Z. Zaron (red.), *Semantyczna struktura slownictwa i wypowiedzi*. W-wa: UW, 1997, 91-95.
26. Основные идеи когнитивной семантики // А.А. Кибрик и др. (ред.), *Фундаментальные направления современной американской лингвистики*. М.: МГУ, 1997, 370-389.
27. О *старом*: аспектуальные характеристики предметных имен // Н.Д. Арутюнова, Т.Е. Янко (ред.), *Логический анализ языка: Язык и время*. М.: Индрик, 1997, 201-217.
28. Атрибутивные конструкции с русскими прилагательными размера: частный случай // В. Nilsson, E. Teodorowicz-Hellman (red.), *Nazwy barw i wymiaru w – Colour and measure terms*. Stockholm, 1997, 121-128.
29. Когнитивная семантика: история, персоналии, идеи, результаты // Семиотика и информатика, 1998, вып. 36, 274-323.
30. Семантика отыменных прилагательных // Л.П. Крысин (ред.), *Лики языка: К 45-летию научной деятельности Е.А. Земской*. М.: Наследие, 1998, 298-304.
31. V Международная конференция по когнитивной лингвистике (обзор) // Вопросы языкознания, 1998, N 5, 121-123.
32. Семантика русских “позиционных” предикатов: *стоять, лежать, сидеть и висеть* // Вопросы языкознания, 1998, N 6, 69-80.
33. С самыми теплыми чувствами (по горячим следам Стокгольмской экспедиции) // Е.В. Рахилина, Я.Г. Тестелец (ред.), *Типология и теория языка: от описания к объяснению (к 60-летию А.Е.Кибрика)*. М.: ЯРК, 1999, 462-487 (в соавт. с М.Н. Копчевской).
34. “Лицом к лицу” // Н.Д.Арутюнова (ред.), *Логический анализ языка: Язык пространства*. М., 1999 (в соавт. с В.И. Подлесской) – в печати [0,9 п.л.].
35. Семантика формы объекта // Русистика сегодня, 1999 – в печати [1,2 п.л.].
36. Семантика русского творительного: фрагмент // Сб. в честь 100-летия Р.О. Якобсона. М., РГГУ, 1999 – в печати [1 п.л.].
37. “Без конца и без края” // Д. Пайар, О.Н. Селиверстова (ред.), *Семантика русских предлогов*. М., 1999 – в печати [1,4 п.л.].
38. По поводу локалистской теории значения: предлог ПОД // Там же [0,8 п.л.] (в соавт. с В.А. Плунгяном).
39. О переносных значениях прилагательных размера (*глубокий ум – высокий интеллект*) // НТИ, сер. 2, 1999, N 9 – в печати [1 п.л.].
40. “Холодно–горячо”: русские температурные прилагательные // НТИ, сер. 2, 1999, N 11 – в печати [1 п.л.].
41. External possession, reflexivization and body parts in Russian. – In: *Typology of possessive constructions*. Oregon: OUP, 1999 – в печати [0,9 п.л.] (в соавт. с В.И. Подлесской).

42. Aspectual classification of nouns: a case study of Russian // W. Abraham, L.I. Kulikov (eds.), Aspect and transitivity. Amsterdam: Benjamins, 1999 – в печати [0,6 п.л.].
43. “Стой, кто идет?” // Семантические исследования: Сб. к 70-летию акад. Ю.Д. Апресяна. М.: ЯРК, 2000 – в печати [0,7 п.л.].
44. О валентной структуре предметных имен // НТИ, сер. 2, 2000, N 2 – в печати [1,6 п.л.] (в соавт. с Н.В.Городковой).